

ЛИНГВИСТИКА

УДК 821.161.1.09-32+929Драгунский

Ключевые слова как инструмент интерпретации художественного текста

И. А. Тарасова

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tarasovaia@mail.ru

Автор исходит из понимания ключевых слов как текстовых операторов, обеспечивающих перевод информации с фактуального на концептуальный уровень. Механизм интерпретации текста читателем с опорой на ключевые слова описывается на примере рассказа В. Драгунского «Красный шарик в синем небе». Герменевтическая функция ключевых слов позволяет рассматривать их как инструмент когнитивной поэтики восприятия.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, ключевые слова, интерпретация текста, В. Драгунский.

Поступила в редакцию: 25.07.2020 / Принята: 03.09.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

KeyWords as a Tool for the Interpretation of a Literary Text

I. A. Tarasova

Irina A. Tarasova, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tarasovaia@mail.ru

The author proceeds from the premise that key words are textual operators providing the translation of information from the factual level to the conceptual one. The mechanism of the reader's interpretation of the text based on key words is described on the example of the story by V. Dragunsky *A red balloon in the blue sky*. The hermeneutic function of key words renders it possible to consider them a tool of the cognitive poetics of perception.

Keywords: cognitive poetics, key words, text interpretation, V. Dragunsky.

Received: 25.07.2020 / Accepted: 03.09.2020 / Published: 30.11.2020

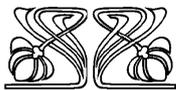
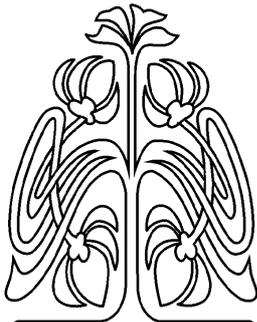
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-370-374>

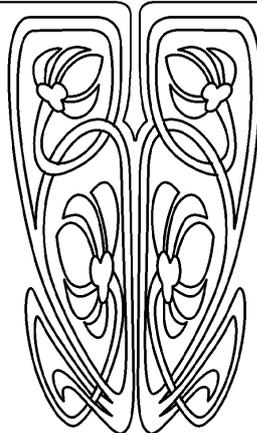
Ключевые слова (далее – КС) – традиционный объект лингвопоэтики и лингвостилистики¹. Конститутивные признаки этих единиц писательского идиостиля хорошо известны. К ним относятся концептуальная, композиционная и образная значимость, семантическая многозначность, сохраняемая в контексте, связь с важнейшими категориями мироощущения писателя.

Однако мы бы хотели обратить внимание на важнейшее свойство ключевых слов, зафиксированное Л. А. Новиковым и С. Ю. Преображенским²: КС являются текстовыми операторами, сопрягающими фактуальный и концептуальный (в терминологии И. Р. Гальперина³) планы текста. Эта герменевтическая функция КС включает их в методологический инструментарий когнитивной поэтики.

Когнитивная поэтика, изучающая ментальные основы художественной коммуникации, «архитектуру» мыслительных форм автора и читателя⁴, может использовать герменевтический потенциал КС как смысловых фильтров, запускающих механизм целенаправленной ана-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

литической интерпретации в процессе медленного чтения. Это предположение стало частью нашей исследовательской гипотезы.

Исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе путем семантико-стилистического, композиционного и мотивного анализов рассказа В. Драгунского «Красный шарик в синем небе»⁵ были выявлены ключевые слова текста, определена их текстоорганизующая и смыслоформирующая роль.

По наблюдениям Н. С. Болотновой, актуализация КС достигается посредством повтора, контраста либо эффекта обманутого ожидания⁶. Все эти стилистические параметры задействованы в опознавании КС рассказа В. Драгунского – глаголов *выпустить*, *лететь* и *бежать*.

Конечно, перечень ключевых слов рассказа не ограничивается глаголами. К ним могут быть отнесены и существительные (*шарик*, *небо*), и прилагательные (*красный*, *синий*), тем более что все упомянутые лексемы встречаются в абсолютно сильной позиции текста – его заглавии. Можно сказать, что они формируют семантику образа, тогда как глагольные единицы выводят на основные мотивы.

На важную роль глаголов в организации сюжета указывает Л. Н. Синельникова⁷, и, хотя ее наблюдения касаются лирического сюжета, думается, что общие выводы могут быть распространены и на другие формы наррации. Итог наблюдений Л. Н. Синельниковой таков: физическая семантика глаголов используется автором для введения трансфизического смысла. Эти свойства глаголов делают их важными претендентами на роль когнитивных операторов: они обеспечивают «переключение» с уровня фактуальной информации на уровень информации концептуальной.

Каждая из частей рассказа маркирована своим глаголом движения. В первой части это «бежали», во втором – «летел». Глаголы *бежать* и *лететь* актуализируют различные пространственные модели: действие первой части происходит в городском пространстве, внутри магазина. Вторая часть – описание полета шарика в высоту. Первый глагол характеризует Дениску и Аленку, второй относится к шарiku.

Первое движение – бесконечное кружение по горизонтали, второе – направлено ввысь. Выход из первого пространства мира суеты в бесконечное и бескрайнее пространство вечности совершается через ключевое слово «выпустил». В хронотопе рассказа взаимодействуют пространственные и временные параметры. В основе композиции рассказа – контраст между суетой первой части и остановившимся временем второй.

С лингвистической точки зрения между глаголами *бежать* и *лететь* устанавливаются отношения контекстуальной антонимии, а *выпустить* является их своеобразным медиатором.

Текстоорганизующая роль глаголов *бежать* и *лететь* достигается их неоднократными повторами и высокой частотой однокоренных глаголов (*побежали*, *бегали*, *убежала*, *выбежали*; *улететь*, *летать*, *отлетел*, *взлетел*). Обе лексемы употреблены референтно, их расширительный, «трансфизический» смысл воспринимается в результате целостной интерпретации рассказа.

Иные признаки КС проявляет глагол «выпустить». Совокупная частота гиперлексемы *пуска (ть)* – 4, но ее варианты находятся не в синонимических, а в антонимических отношениях: *отпустил* – *упустил* – *выпустил*. Глагол «упустить» (в речи Аленки) указывает на непреднамеренность совершения действия, глагол «отпустить» (перестать удерживать) предполагает намеренность действия, направленного на одушевленный объект (каким и является шарик в рассказе). Наконец, слово «выпустить» совмещает в своей семантической структуре три словарных значения: 1. дать возможность уйти, удалиться; отпустить; 2. освободить, отпустить на свободу; 3. перестать держать; упустить⁸. Заметим, что первые два значения также предполагают одушевленного субъекта. В речи героев подчеркивается неосознанный/осознанный характер действия: «Зачем ты его упустил?» (Аленка) – «И я взял и выпустил его» (Дениска)⁹. Словарная синонимия значений превращается в контекстуальную антонимию. Таким образом, глагол «выпустить» подвергается смысловым преобразованиям.

С эффектом обманутого ожидания связан именно глагол *выпустить*. Он неожиданно для читателя возникает в финальной реплике маленькой героини: «Если бы у меня были деньги, я бы купила еще один шарик... чтоб ты его выпустил»¹⁰. Помещенная в сильную позицию конца текста, лексема «выпустил» осознается как главное ключевое слово текста, эксплицирующее основной мотив рассказа – мотив свободы.

Таким образом, когнитивная роль ключевых слов – глаголов движения – заключается в моделировании художественного пространства текста с его явным делением на пространство низа (суеты, несвободы под маской праздника) и пространства верха (истинной свободы и цели человеческого существования). Будучи репрезентантами этих образно-схематических (топологических) концептов¹¹, они в то же время способны отсылать к концептам абстрактных номинаций – жизни и вечности, т. е. обладать концептуальной функцией. Глагол *выпустить* содержит в своей семантической структуре сему «свобода», поэтому актуализирует в сознании читателя именно этот гештальт.

Основная идея рассказа Драгунского – красота свободы. Эта мысль находит словесное выражение в рассказе и вкладывается в уста главного героя – Дениски: «И всю дорогу я думал, как это красиво, когда весна на дворе, и все нарядные и веселые, и милиционер в белых пер-

чатках, а в чистое, синее небо улетает от нас красный шарик...»¹². Но если концепт красоты выражен прямо, то обнаружение концепта свободы требует от читателя актуализации словесных и образных ассоциаций ключевых слов *лететь* и *выпустить*. Причем если *выпустить* содержит сему свободы в своей семантической структуре, то глагол *лететь* – в своей ассоциативной структуре (полет – одна из образных репрезентаций свободы)¹³.

Мысль о красоте и необходимости свободы становится в рассказе важнейшим итогом социализации, взросления «маленького» героя (Аленки). Думается, что эта мысль может претендовать на статус смысла рассказа В. Драгунского¹⁴.

Тот факт, что концепт свободы репрезентирован не основным вербализатором (слово «свобода» в тексте не встречается), а словами этого семантико-ассоциативного поля, демонстрирует писательскую стратегию В. Драгунского, рассчитывающего на культурно-лингвистическую компетентность читателя и понимание им исторического контекста (рассказ опубликован в 1962 г. и, как многие другие произведения В. Драгунского, проникнут настроениями «оттепели»)¹⁵.

Чтобы ментальная проекция текста «высвечивала» этот смысл, современный читатель должен приложить определенные усилия, применить технику медленного чтения. Не случайно А. А. Залевская разграничивает понимание – 1 (понимание «наивного» читателя, для которого смысл произведения – всегда личностный смысл, укорененный в личностном переживании и жизненном опыте) и понимание – 2 (целенаправленную аналитическую интерпретацию специалиста, исследователя)¹⁶.

Скорректируем первоначальную гипотезу исследования, поставив перед собой вопросы: являются ли ключевые слова связующими звеньями между двумя указанными уровнями понимания? Помогают ли они перейти с одного уровня понимания (спонтанного понимания) на другой (уровень интерпретирующего понимания)?

Наш эксперимент имел своей целью доказать или опровергнуть предположение о функции КС как смысловых фильтров интерпретации¹⁷.

Для проверки этой гипотезы на втором этапе было проведено экспериментальное исследование, в котором принимали участие студенты факультета психолого-педагогического и специального образования, будущие учителя начальных классов. Испытуемым было предложено заполнить протокол интерпретации текста, следуя следующей инструкции:

1. Внимательно прочитайте рассказ Драгунского. Запишите свои первоначальные впечатления: понравился ли рассказ, чем именно, что вы почувствовали.

2. Запишите первоначальную гипотезу основной мысли произведения. Как вам кажется, о чем оно?

3. Решите поставленную перед вами задачу, вторично прочитав текст (медленное чтение):

найдите в тексте ключевое слово-глагол. По каким признакам вы догадались о его смысловой роли ключа?

Какой мотив связан с этим глаголом?

Изменилось ли ваше понимание текста после медленного чтения и решения учебной задачи? Как вы теперь можете сформулировать главную мысль?

Результаты эксперимента показали, что выдвинутая первоначально гипотеза о КС как о фильтрах семантической информации, направляющих читательскую интерпретацию и обеспечивающих концептуализацию на уровне авторской идеи, в целом подтвердилась. Приведем перечень ключевых слов, отмеченных испытуемыми (напомним, что требовалось указать только одно слово) с указанием частоты ответов: *выпустил* (17) / *отпустил* (2), *лететь* (6), *почувствовал* (2), *бежали* (1), *позадирали* (1), *просится* (1). Другими словами, 25 испытуемых из 30 безошибочно определили хотя бы одно из КС.

Анализ опросных листов позволяет сделать вывод: в большинстве работ (около 85%) итоговая идея сформулирована с опорой на базовый концепт текста – концепт свободы. Категоризация затрагивает как психологический (независимость), так и экзистенциальный (ценность) сегменты базового концепта текста: «Нельзя держать в неволе того, кто рвется на свободу», «Необходимо уважать свободу и чувства других», «Не удерживать то, что должно быть свободным», «Нет смысла держать того, кто желает уйти, рвется на свободу», «Не нужно никого держать около себя, ущемляя тем самым его свободу», «Тому, кто хочет быть свободен, не может ничего помешать», «Свобода важнее материальных благ», «Каждый человек свободен, и свобода – главное, что у нас есть. Поэтому нужно дожить своей и не забирать чужую».

Формулировки читателей позволяют прояснить связь ключевых концептов в ментальном пространстве текста: «Красота, свобода и весна больше и важнее, чем ниточка шарика в собственной ладошке».

Итак, главный вывод: правильно найденное ключевое слово обеспечивает корректность интерпретации, хотя, конечно, не гарантирует глубину схваченного смысла. В основном в студенческих работах актуализирован психологический аспект свободы (личная независимость, самостоятельность), что отражает структуру личностного смысла. Универсальность свободы как экзистенциальной категории отмечена в трех работах. Намек на духовный аспект свободы содержится только в одной работе («Возможно, автор сравнивает шарик с человеческой душой»).

Посмотрим, как отразилась в этих опросных листах динамика понимания основной идеи рассказа.

Гипотеза о том, что КС превращает спонтанное понимание в глубинное, подтвердилась частично: в половине работ формулировки предварительной и окончательной идеи отличаются незначительно. Испытуемые отмечают, что их понимание при медленном чтении (направленном на поиск КС) убедило их в правильности первоначального набрасывания смысла («понимание текста только расширилось, но главная мысль осталась прежней»). Это может свидетельствовать и о мастерстве В. Драгунского, и о превалировании логического, а не эмоционального компонента в первичном восприятии, и о сформированных навыках интерпретации.

В то же время в примерно 30% работ мы наблюдаем существенную корректировку идеи под влиянием КС. Приведем примеры.

Работа № 4. Первоначальный смысл: «Надо уметь видеть красоту в обычных вещах, уметь отказываться от вещей, чтобы видеть красоту» – КС «выпустить» – окончательная формулировка идеи: «Необходимо уважать свободу и чувства других».

Работа № 19. Первоначальный смысл: «Нужно остановиться и посмотреть, какая вокруг красота» – КС «лететь» – окончательная формулировка идеи: «Каждый человек свободен».

Работа № 20. Первоначальный смысл: «Как прошел один день у Дениски и ничего особенного там не было» – КС «выпустить» – окончательная формулировка идеи: «Нельзя держать того, кто рвется на свободу».

Работа № 22. Первоначальный смысл: «Произведение о том, что Аленка не стала долго обижаться и злиться на Дениску» – КС «выпустить» – окончательная формулировка идеи: «Нельзя держать в неволе того, кто стремится быть свободным».

В 15% работ в качестве ключевых были указаны глаголы, связанные с основной идеей рассказа косвенно.

Из числа других названных глаголов – почувствовал (2 раза) – объясняется находящимся в фокусе читательского восприятия образом шарика («У шарика есть свои чувства и желания»; этими испытуемыми и отмечен мотив отношения к шарикам как живому существу). Итоговая формулировка авторской идеи носит психологический характер («осознание чувств других людей»), хотя, думается, значимый для В. Драгунского (и верно подмеченный читателем) прием олицетворения можно использовать для еще одной – вариативной – формулировки авторского смысла: «Все живое должно быть свободным».

В одной работе в качестве ключевого слова назван глагол «позадирали», что объясняется, по-видимому, его связью с актуализированным в рассказе пространством верха. Для читателя этот глагол оказывается носителем мотива «праздника и радости людей при виде улетающего шарика». В первичном восприятии этого

испытуемого также задействована прежде всего эмоциональная сфера (отмечено «чувство легкости и принятие правильного решения Дениски»). Однако итоговая идея формулируется с опорой на концепт свободы, появление которого автором работы не мотивировано: «Свободу нельзя купить или продать, ее можно только дать или подарить». Отмечена испытуемым и «побочная» линия: «Маленькие дети понимают не меньше взрослых». Такую категоризацию можно назвать педагогической. Она встречается в качестве дополнительной идеи еще в двух работах.

В одной работе отмечен глагол «бежали», который действительно приобретает, как мы показали, статус ключевого, но интерпретация его семантики иная, отмеченная положительными коннотациями: «бежать за чудом, за новыми впечатлениями, за неизведанным». Испытуемый формулирует первоначальную идею как «ощущение праздника, чуда, которого так не хватает во взрослой жизни». Понятое в русле этой идеи КС «бежать» убеждает реципиента в его правоте, и окончательная идея формулируется так: «Нужно видеть красоту в обычных вещах и дарить ее людям».

Проведенное исследование убедило нас в возможности включения КС в терминологический аппарат когнитивной поэтики. При этом для когнитивной поэтики следует считать продуктивным понимание КС как 1) слов, актуализированных автором через разнообразные приемы выдвижения, что свидетельствует об их особой концептуальной значимости; 2) операторов, соотносящих фактологический и концептуальный уровни текста и являющихся в силу этого носителями эстетического смысла; 3) смысловых опор, направляющих спонтанное понимание в русло аналитической интерпретации.

Материалы читательских протоколов свидетельствуют о том, что вторичная интерпретация текста опирается не только на модель ситуации или переосмысление образного уровня произведения – пути преобразования текстовой семантики лингвистичны¹⁸: ключевое слово, будучи репрезентантом концепта текста, помогает читателям осознать его мотивную организацию, приблизиться к реконструкции авторского замысла.

В то же время отсутствие навыков символической интерпретации не позволяет читателям охватить базовый концепт свободы во всей глубине его когнитивных признаков и слоев.

Однако мы полагаем, что изучение реальных читательских интерпретаций обладает большой научной значимостью: оно помогает скорректировать теоретические модели восприятия текста¹⁹ через обращение к опыту «неискушенных» читателей, сформировать проблемное поле педагогической герменевтики²⁰.

Проведенный нами эксперимент носил пилотный характер. Разумеется, количество испытуемых должно быть расширено, чтобы сделать предварительные выводы более убедительными.

Примечания

- ¹ См.: *Болотнова Н.* Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурус. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. С. 54.
- ² См.: *Новиков Л., Преображенский С.* Ключевые слова и идейно-эстетическая структура стихотворения // *Язык русской поэзии XX века* : сб. науч. тр. М.: Ин-т рус. яз., 1989. С. 32.
- ³ См.: *Гальперин И.* Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига, 2006.
- ⁴ См.: *Тарасова И.* Когнитивная поэтика : предмет, терминология, методы. М. : Инфра-М, 2018. С. 146.
- ⁵ Выбор рассказа определяется профессиональными интересами читательской аудитории.
- ⁶ См.: *Болотнова Н.* Указ. соч. С. 54.
- ⁷ См.: *Синельникова Л.* Стихотворный текст : междисциплинарная интерпретация. М. : Инфра-М, 2019. С. 70.
- ⁸ *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. С. 273.
- ⁹ *Драгунский В.* Красный шарик в синем небе. М. : Сов. Россия, 1982. С. 178.
- ¹⁰ Там же. С. 179.
- ¹¹ О типологии концептов см. в нашей работе: *Тарасова И.* Введение в когнитивную поэтику. Саратов : Научная книга, 2004. С. 20.
- ¹² *Драгунский В.* Указ. соч. С. 179.
- ¹³ См.: *Солохина А.* Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. С. 21.
- ¹⁴ Эта мысль может показаться достаточно сложной для «детского» рассказа. О многоуровневой смысловой и коммуникативной структурах рассказов В. Драгунского, только на первый взгляд обращенных к детскому читателю, см. в работах О. О. Михайловой (Пичугиной). См., например: *Михайлова О.* Формы выражения авторской адресации в рассказах В. Драгунского : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- ¹⁵ По словам О. Михайловой, рассказы В. Драгунского можно считать символом душевной и исторической теплоты (См.: *Михайлова (Пичугина) О.* «Девочка на шаре» и читатели рассказа В. Драгунского // *Вопр. литературы.* 2012. № 5. С. 110).
- ¹⁶ См.: *Залевская А.* Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М. : Директ-Медиа, 2014.
- ¹⁷ В понятии интерпретации нами актуализирован момент целенаправленности, осознанности, рефлексивности. Говоря словами П. Рикера, «интерпретация – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении» (*Рикер П.* Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике). М. : Академический проект, 2008. С. 51).
- ¹⁸ См.: *Синельникова Л.* Указ. соч. С. 71.
- ¹⁹ См., например: *Иванюшина И., Тарасова И.* «Эстетический опыт» в структуре читательского восприятия // *Язык художественной литературы. Литературный язык* : сб. ст. к 80-летию Мары Борисовны Борисовой. Саратов : Научная книга, 2006. С. 66–75.
- ²⁰ Под педагогической герменевтикой нами понимается интерпретативная деятельность читателей в условиях учебной ситуации.

Образец для цитирования:

Тарасова И. А. Ключевые слова как инструмент интерпретации художественного текста // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика.* 2020. Т. 20, вып. 4. С. 370–374. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-370-374>

Cite this article as:

Tarasova I. A. KeyWords as a Tool for the Interpretation of a Literary Text. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism,* 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 370–374 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-370-374>